

Вале Ма

Возлюбленная Демона

Вале Ма

Возлюбленная Демона

«Автор»

2026

Ма В.

Возлюбленная Демона / В. Ма — «Автор», 2026

«Ты — Луна. Я — Солнце. Мы будем вместе, пока существует мир» — шепчет мне демон, врываясь в спальню сквозь лунный свет. Столас — воплощение страсти. Его голос вибрирует в крови, прикосновения стирают грань между сном и явью. Я знала его вечность, хотя вижу впервые. Я готова утонуть в его объятиях. «Не торопись. Ты даже не знаешь, кто ты» — останавливает меня Астарот. Демон с янтарными глазами и голосом, от которого немеет разум. Он вырывает меня из танца и переносит в мир, где книги хранят тайны древнее Ада. Моё тело — сосуд. Моя душа — разменная монета в игре, длящейся тысячелетия. У меня есть тело, за которое сражаются двое. Прошрое, которого я не помню. И выбор, который изменит судьбу двух миров. Кто из них говорит правду? Кто хочет спасти, а кто — использовать? И что станет со мной, когда луна скроется за горизонтом? Ответы спрятаны в тени. И даже сами демоны не знают, чем обернется эта ночь.

© Ма В., 2026

© Автор, 2026

Вале Ма

Возлюбленная Демона

Глава 1

Глава 1. Танец с Демоном

Лунный свет серебристой дорожкой пролег через высокое окно спальни, касаясь нагого тела Адель. Он скользил по изгибу ее бедра, задерживаясь в ложбинке талии, и манил куда-то вглубь холодной ночи. Она лежала без сна, ощущая, как воздух в комнате становится тяжелым, густым, словно медовый сироп. Что-то неведомое, древнее, пульсировало в такт ее сердцу, настойчиво дергая за нити подсознания.

Тени в углах комнаты ожили. Они не просто двигались — они текли, стекаясь в одну точку, сгущаясь до состояния осязаемой плоти. Воздух наполнился ароматом дыма и терпкого мускуса. Адель затаила дыхание, когда из чернильной тьмы начала вырисовываться фигура.

Перед ней стоял мужчина. Высокий, с широкими плечами, переходящими в узкую талию, и длинными ногами, обтянутыми черными брюками. Его темные каштановые волосы, чуть влажные, непослушными прядями падали на высокий лоб. Но главное — глаза. Карие, с алыми отсветами внутри, они смотрели на неё с голодной, вызывающей улыбкой. Он был прекрасен той опасной красотой, от которой перехватывает горло, а ладони непроизвольно сжимаются в кулаки.

— Ты прелестна, — его голос вибрировал в грудной клетке, бархатный и низкий, обволакивающий, как прикосновение к шее. — Я скупал.

Он шагнул к ней, и кровать слегка прогнулась под его тяжестью. Адель видела, как под тонкой тканью его рубашки глубоко вздымается грудь. Она не знала этого человека, но каждая клетка ее тела узнавала его. Внизу живота разлился тягучий жар. Она хотела его. Хотела так сильно, как не хотела ничего за всю свою пустую, холодную жизнь.

— Пойдем со мной, — незнакомец протянул ей руку, и Адель увидела, какие у него пальцы — длинные, сильные, с аккуратными ногтями, способные как сжимать горло, так и ласкать.

Внутри у Адель всё сжалось от неожиданной грусти. Что-то подсказывало, что она знает этого мужчину целую вечность. Словно повинаясь не инстинкту, а забытому обещанию, она прошептала, скорее утверждая, чем спрашивая:

— Тебя зовут Столас?

На его аристократичном лице промелькнуло неподдельное удивление, которое тут же сменилось восторгом. Он резко, почти грубо, схватил ее за руку и рванул к зеркалу. Зеркальная поверхность пошла рябью, превратившись в жидкую ртуть. Они шагнули сквозь неё, как в воду — Адель почувствовала, как холод сменился влажным жаром.

Они оказались в бальном зале, залитом кроваво-алым светом. Но Адель не успела осмотреться. Столас прижал ее к своему телу, и она почувствовала твердость его груди, биение его сердца — слишком редкого, слишком мощного. Он наклонился к ее уху, и его дыхание опалило кожу. Его губы скользнули по мочке, вызывая мурашки, пробежавшие от затылка до самого позвоночника.

— Время над нами не властно, — прошептал он так тихо, что только она могла слышать. — Я Солнце. Ты Луна. Мы будем вместе, пока существует этот мир. Я — Столас. Ты...

Его слова потонули в поцелуе. Он впился в её губы жадно, властно, заставляя приоткрыть рот. Его язык скользнул внутрь, смешивая дыхание, даря вкус терпкого вина и горечи. Вокруг всё менялось. Откуда-то появились пары, начал звучать вальс.

Столас отстранился ровно настолько, чтобы посмотреть на нее, и провел рукой вдоль ее тела. Адель почувствовала, как воздух у ее кожи сгущается, и тяжелое бальное платье из черного бархата обтянуло ее фигуру, а светлые волосы потемнели до цвета воронова крыла. Его пальцы вжались в кожу чуть сильнее, чем требовал танец. Они закружились в вальсе.

— Останься со мной, — выдохнул он в её шею.

Адель почувствовала, как его дыхание участилось. Это было слишком интимно, слишком откровенно. Впервые за жизнь девушка почувствовала покой. Словно она там, где должна быть.

— Я не могу, — выдохнула она, хотя её руки уже скользили по его плечам, сжимая крепкие мышцы. — Пока мое место в человеческом мире...

— Останься, — молил Столас, и душа Адель сдалась. Она прикрыла глаза, наслаждаясь властью его рук на своей спине.

Где-то позади, в тени колонны, мелькнула безумная тень с красными, как раскалённые угли, глазами. Она наблюдала за парой. Тень засмеялась — низко, мелодично, с вибрацией, от которой по коже побежали мурашки удовольствия. Тьма начала сгущаться, обретая форму, и воздух наполнился ароматом дорогого вина, ладана и чего-то терпкого, животного. Из чернильной пустоты выступила фигура, и Адель почувствовала, как её сердце пропустило удар.

Тень был красив. Не той грубой, мужественной красотой Столаса, а совершенной, почти стерильной, как античная статуя, ожившая и одетая в дорогой шёлк. Высокий, но не массивный, с идеальными пропорциями — широкие плечи, узкая талия, длинные ноги, которые, казалось, были созданы, чтобы танцевать или убивать. Каждая линия его тела была выверена до миллиметра, словно над ним работал гениальный скульптор, влюблённый в симметрию.

Он был облачён в чёрный шёлковый камзол, расшитый серебряными нитями в виде сложных рунических узоров, и такие же чёрные брюки, идеально сидящие по фигуре. Его руки, обнажённые до локтей, были идеальной формы — рельефные бицепсы переходили в сильные, но изящные предплечья с длинными пальцами, унизанными тонкими серебряными кольцами.

Но главным было его лицо. Точно выточенное, с высокими скулами, прямым, чуть греческим носом и идеальной линией челюсти, которая могла бы украсить монету. Его губы были полными, чувственными, чуть изогнутыми в лёгкой, насмешливой улыбке, обнажающей ровные белые зубы. Глаза — светло-карие, почти золотистые, с тёплым янтарным отливом — смотрели на Адель с ленивым, гипнотическим интересом. В них не было той безумной алой страсти, что у Столаса, — они были спокойными, холодными, как поверхность озера в безветренный день, и от этого становилось одновременно жутко и невыносимо притягательно.

Его волосы были пепельно-русыми, с золотым отливом — длинные, мягкие волны спадали на плечи, обрамляя его идеальное лицо. Он был безупречен. Слишком безупречен для демона.

Астарот шагнул вперёд, с той ленивой грацией, которая бывает у хищников, уверенных в своём превосходстве. Он улыбнулся Столасу, и эта улыбка была вежливой, но в ней читалось откровенное превосходство.

— Она тебя не помнит, — произнёс он, и его голос зазвучал мягко, бархатисто, с лёгкой хрипотцой, которая делала его интимным даже на расстоянии. Он звучал как дорогое вино — тёплое, обволакивающее, опасное.

Астарот подошёл к Адель, и она почувствовала его запах — не мускусный, как у Столаса, а тонкий, сложный: сандал, амбра, немного полыни и едва уловимый, дразнящий аромат гвоздики. Он взял её за руку и поднёс к губам, и Адель почувствовала, как его дыхание коснулось её кожи, прежде чем он поцеловал костяшки — медленно, почти невесомо, но с таким интимным подтекстом, что у неё перехватило дыхание.

— Всё, хватит, — сказал он, и его голос прозвучал мягко, но с непоколебимой уверенностью. — Натанцевалась. Тебе пора домой.

Он обернулся к Столасу, и его янтарные глаза блеснули холодным светом.

— Дай ей самой решить! — крикнул Столас, сжимая кулаки.

Астарот усмехнулся — коротко, почти с сожалением, как взрослый, который наблюдает за капризами ребёнка. Он всё ещё держал руку Адель и большим пальцем начал медленно, гипнотически водить по её запястью, нащупывая пульс.

— Самой? — переспросил он. — Она даже не знает, кто она. Ты хочешь, чтобы она сделала выбор, не зная правил? Это нечестно, Столас. И ты это знаешь.

Он воплотился окончательно.

— Я Астарот, — произнёс он, и его голос прозвучал мягко, но с властными нотками. — Демон мудрости и тайного знания. Но ты можешь называть меня просто Астарот. Мне нравится, как это звучит в твоих устах.

Он взял её за обе руки. Воздух вокруг них сгустился, и реальность исказилась. Они перенеслись в библиотеку — огромный зал с книгами, но не мрачный, а роскошный, с высокими окнами, выходящими в звёздное небо. В центре стояли два бархатных кресла, и Астарот грациозно опустился в одно из них, жестом приглашая её сесть напротив.

Он откинулся на спинку. Его рука лениво легла на подлокотник, и Адель заметила, что его татуировки — изящные руны на внутренней стороне предплечья — пульсируют тусклым золотым светом.

— Расслабься, — прошептал он, и в его голосе послышались властные нотки. — Сейчас будет страшная сказка.